

УДК 811.35

DOI: 10.31029/vestiyali30/2

КУБАЧИНСКАЯ РЕЧЬ В УСЛОВИЯХ УРБАНИЗАЦИИ

А. Дж. Магомедов,
*Институт языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы
Дагестанского ФИЦ РАН*

Статья посвящена характеристике роли влияний традиций миграций (отходничество и др.) и урбанизации на сохранение кубачинского идиома. До революции и вплоть до середины 1960-х годов XX века компактное проживание и слабые процессы проникновения в село городской культуры и русского языка, сохранение традиционного быта создавали базу для сохранения исторической языковой культуры кубачинцев, обеспечивали его полноценное функционирование.

Ключевые слова: урбанизация, городская культура, социолингвистика, кубачинский идиом.

The article describes the role of the influences of migration traditions (otkhodnichestvo, etc.) and urbanization on the preservation of the Kubachi idiom. Before the revolution and up to the mid-1960s of the twentieth century, compact living, weak processes of penetration of urban culture and the Russian language into the village, the preservation of traditional life created the basis for the preservation of the historical linguistic culture of the Kubachi people, ensured its full functioning.

Key words: urbanization, urban culture, sociolinguistics, Kubachi idiom.

Кубачи – известное в России и Дагестане село. Оно хорошо известно и среди ученых-этнографов своими традиционными ювелирными и оружейными промыслами. В XX веке и особенно в постсоветский период истории России «кубачинские изделия» известны как популярный торговый бренд.

Кубачинский идиом также хорошо известен среди лингвистов Кавказа и России. Однако до сих пор сохраняются споры о том, кубачинский идиом – это язык даргинской группы или диалект даргинского языка. Многие при этом используют нейтральный термин – «идиом».

Начнем с некоторых сведений о численности носителей кубачинской речи. Как известно, на кубачинском наречии (кроме самих кубачинцев) говорят жители двух сел: Сулевкент (ныне в Хасавюртовском районе РД, до 1944 г. – рядом с Кубачи) и Ашты (ныне в 40 км от Кубачи, в историческом прошлом – рядом с Кубачи. Есть еще отселок Ашты – с. Дирбаг) [1]. Следующая таблица дает наглядное представление о количестве носителей кубачинской речи.

Таблица. Носители кубачинской речи по данным Посемейных списков 1886 года [8, с. 60].

Населенные пункты	Кол-во домов	Всего населения	Из них	
			Муж.	Жен
<i>Кубачи (Уркарахское наибство Кайтаго-Табасаранского округа)</i>	507	2232	1183	1049
<i>Сулевкент (Уркарахское наибство Кайтаго-Табасаранского округа)</i>	168	581	329	252
<i>Ашты и Дирбаг (Ашты-Кулинское наибство Казикумухского округа)</i>	168	894	469	425
ВСЕГО:	843	3707	1981	1726

Сегодня же численность говорящих на кубачинском языке по примерным нашим подсчетам достигает 23 тыс. человек [6, с. 7].

В 30-е годы XX века, в период становления литературных языков народов Дагестана, власти разрабатывали и общую языковую политику на перспективу. Была надежда, что бесписьменные языки сольются с письменными (литературными) языками. Но прошедшее время показало, как пишет исследователь Б. М. Атаев, «неминуемого исчезновения бесписьменных языков малочисленных народов путем слияния с языком более многочисленного народа в Дагестане не наблюдается» [3, с. 130]. При этом бесписьменные языки, как и многие диалекты, продолжают функционировать, как и в предыдущую эпоху, в своих узких сферах общения.

Кубачинский идиом до конца XX века не рассматривался как язык. На сегодня исчезли многие его составляющие, а главное, развившееся русско-кубачинское двуязычие стало превращаться в условиях отходничества и урбанизации в моноязычие многих его носителей на русском.

В этих условиях социокультурный аспект функционирования кубачинской речи вышел на первый план. История ее изучения в историко-культурном плане известна по очень ограниченному кругу памятников. Ценным для исследователей был и очерк о кубачинском быте и его традициях, изданный известным российским ученым Д. Н. Анучиным, побывавшим в 1882 году в Дагестане [10, с. 5–31]. Кубачинский вариант «Дербенд-наме» на аджаме недавно был транслитирован на кириллице и опубликован исследователем Г. Г. Тикаевым [9].

Интересны данные этих источников о двуязычии отдельных кубачинцев. В Посемейном списке 1886 г. по Кубачинскому сельскому обществу не указан ни один кубачинец, знающий русский язык. И это отчасти верно, так как, когда Д. Н. Анучин был в Кубачи, никто не мог с ним объясниться без переводчика. Но, по словам ученого, «грамотных между ними (кубачинцами. – А. М.) очень много, даже между женщинами, что в соседних аулах редкость» [10, с. 70–71]. Здесь речь об умении писать на кубачинском с использованием арабской графики (аджам).

До революции многие кубачинцы неплохо знали кумыкский язык, а также лакский язык. Кумыкский язык был нужен им для торговли и общения с равнинным (кумыкским) населением, откуда кубачинцы получали зерно, другие сельхозпродукты, а лакскому языку многие кубачинцы выучились во время совместной работы в местах выезда на заработки, в городах Кавказа и частого посещения ими широко известного в Дагестане еженедельного базара в с. Казикумух [4, с. 36]. По информации профессора И. Х. Абдуллаева, в 1923 г. во время проведения собрания мастеров с. Кубачи с обсуждением вопроса об организации здесь художественной артели возник вопрос о том, на каком языке вести собрание. Поскольку инструктор Дагкустпромсоюза, приехавший из Махачкалы для проведения собрания, был лакцем, кубачинские мастера предложили ему вести собрание на лакском языке (а не на русском). При этом они сослались на то, что многим все будет понятно на этом языке [2].

Особое влияние на процессы забвения кубачинской речи оказывал выезд мастеров на постоянное жительство в города ДАССР, Северного Кавказа, Средней Азии, Казахстана. Кратко коснемся новых процессов, на основе материалов, полученных в результате наших полевых наблюдений [7]. Я, как уроженец с. Кубачи (род. в 1949 г.), мог хорошо наблюдать эти процессы. Мои отец и мать, коренные кубачинцы, в трудные годы Великой Отечественной войны и первое послевоенное время (до 1951 г.) жили в г. Дербенте. Здесь они общались с горожанами в основном на азербайджанском и реже и на лезгинском языке, т. к. отец часто выезжал на заработки в лезгинские районы Южного Дагестана. Потребность в русском языке была тогда минимальной. Конечно, в школах, при посещении различных госучреждений знать русский язык нужно было, но общение с соседями, коллегами по работе, на улице, с торговцами на базаре шло на азербайджанском языке. Но кроме Дербента после войны много кубачинцев переехало в Махачкалу, Буйнакск, Хасавюрт, где они общались с местными на русском или на кумыкском языке. Надо при этом учесть, что во всех школах в городах Дагестана обучение велось на русском языке.

Приведем другой случай. Семья моей супруги в конце 1950-х годов оказалась в Махачкале. Их отца, известного народного мастера А. М. Абдурахманова пригласили художником по народным промыслам в созданное в это время Министерство местной промышленности Дагестана. Дети его родились в Кубачи, но в школу пошли уже в городе Махачкале. Несмотря на то, что они выросли в селе и знали родной язык, в условиях города они быстро освоили и русский язык. А став взрослыми (по окончании школы), они разговаривали между собой преимущественно на русском языке.

Из семей моих кубачинских соседей, семей моих одноклассников в 1960-е годы многие стали выезжать на заработки и в города республик Средней Азии, в Казахстан. Такие выезды в то время не сказывались на знании родного языка. В города выезжают не только мастера, но и выпускники школ, которые поступают учиться в вузы, а затем едут с семьями по распределению в города СССР. Такие семьи, как правило, начинают общаться на русском языке.

Так формируется феномен «русскоязычных» кубачинских семей. Число таких семей в начале XXI века значительно выросло. Тогда же резко упал интерес к родному языку. Причиной тому стало формирование новых поколений (внуков и правнуков первых кубачинцев-горожан), родившихся в городах. Кубачинско-русское «одноязычие» со слабым сочетанием кубачинско-русского двуязычия становится нормой для подавляющего большинства городских семей кубачинского происхождения.

Мощным фактором забвения кубачинской речи становится школьное образование. В городских школах дети легко осваивают русский язык. Как признают исследователи, язык может легко умереть, если нет механизма передачи языка подрастающему поколению. Это уже стало сегодня аксиомой. Для бесписьменных языков Дагестана это особенно становится типичным.

Причины забвения языков исследователи делят на три основные группы: физические, экономические и социально-политические. Умиранию языков может способствовать одна из этих причин, любые две или все три. Существуют языки, которые выживают несмотря на наличие всех этих причин, например, еврейский, но есть языки, которые становятся уязвимыми уже после появления только одной из этих причин [5].

Несколько иначе сегодня идет развитие других кубачиноговорящих жителей сел Ашты и Сулевкента. Так получилось, что в силу хозяйственных традиций жители этих сел более тесно контактировали с носителями даргинского языка. К 1960-м годам они намного лучше знали даргинский литературный язык и потому в них устойчиво развивался даргинско-русско-аштынское или даргинско-русско-сулевкентское трехязычие. Но и в этих селах к концу века происходят важные изменения. Так, в 1990-е годы из такого некогда крупного населенного пункта, как Ашты, многие уехали в города Дагестана, где освоили городские специальности. В условиях городской культуры, как и у переселенцев из Кубачи, на забвение родного языка (кубачинского говора) влияют смена поколений, русскоязычное школьное образование, отсутствие компактного расселения.

Более устойчив процесс сохранения сулевкентского говора. В 1944 году сулевкентцы были отселены на места выселения чеченцев. В 1957 году они вернулись, и им выделили для строительства нового села место в Хасавюртовском районе ДАССР. В общении с жителями соседних сел, горожан Хасавюрта они стали широко использовать не только даргинский литературный, который изучался в школе, но и русский язык. Кроме того, в новом селе почти все сулевкентцы-мужчины забросили гончарное дело и каждую осень многие из них стали выезжать на заработки (на лесосплав в Алтай, на строительные работы в Туркмению). В местах отхода сулевкентцы общались с местным населением на русском языке. Кроме того, у сулевкентцев в отличие от аштынцев до сегодняшнего времени сохраняется компактное расселение. Село Сулевкент достаточно большое. Здесь значительно меньше, чем в Ашты и Кубачи, отток жителей в города. Более устойчиво бытует в семьях и сулевкентская речь, хотя развивается и сулевкентско-русское двуязычие.

Проблема сохранения кубачинской речи на сегодня достаточно труднорешаемая задача. Во многом процессы объективны, и простого их разрешения нет. В качестве мер сохранения и ревитализации кубачинского языка можно лишь рекомендовать его научное изучение, составление различных словарей, подготовка самоучителей, других пособий, использование для этих целей компьютерных технологий. В этом направлении есть и определенные успехи. На сегодня издан кубачинско-русский словарь, материалы по кубачинскому фольклору, сборники авторских кубачинских песен. В последние годы ревитализации языка способствует песенная (свадебная) культура кубачинцев, инициатором возрождения которой выступил поэт-песенник М. А. Ахмедов. Как центр компактного проживания развитие получает село Кубачи. Из села уже меньше уезжают в города. Нормой становится жизнь отдельных кубачинцев на два поселения – в городе и в селе (в городах сегодня многие имеют в собственности квартиры, дома). В с. Кубачи функционирует новая школа, Дом культуры.

И в заключение, резюмируя наши наблюдения, укажем главные факторы, которые сегодня влияют на процессы «забывания» бесписьменного кубачинского языка:

1. Язык забывается из-за отсутствия письменности и школьного образования на кубачинском языке. Традиции письменности, существовавшие до революции и в 1920-е годы в виде арабографического письма, были забыты. Развитие получили лишь любительские традиции кубачинской письменности на кириллице. С 1990-х годов, появились букварь, алфавиты, публикации авторских рассказов на кубачинском языке, кубачинских фольклорных текстов, стали петь песни на кубачинском.

2. Что касается кубачинской речи, то до середины XX века кубачинцы прошли несколько этапов освоения разных форм билингвизма. Издавна для кубачинцев был характерен кубачино-даргинский билингвизм. Даргинцы и кубачинцы – это один этнос, поэтому их языки являются близкородственными. Общение кубачинцев с соседями происходило на койне в основном на еженедельных рынках (Кубачи, Урари, Уркарах и др.).

3. С середины 1960-х годов стало идти быстрое формирование русско-кубачинского билингвизма. Такой билингвизм, развившийся в условиях отходничества, миграционных и урбанизационных процессов, городской культуры распространяется не только среди горожан-кубачинцев, но и сельских кубачинцев.

4. В XX веке усиливается автономность развития говоров кубачинского языка, т. е. уходит в прошлое практика их общения, т. к. слабеет компактность расселения кубачиноговорящих жителей сел Кубачи, Ашты и Сулевкент.

Автономность территорий говоров значительно усиливается в годы советской истории. Жители с. Кубачи в силу исторического развития, бытовых традиций, а также особенностей хозяйственной специализации, организации здесь в 1920-е годы художественной артели, отходничества мастеров быстрее оказались вовлеченными в сферу городской культуры. Еще в 1944 году все население с. Сулевкент насильно было отселено в Чечню. Позже оно возвращается в Дагестан, и для строительства нового села выделено было место в Хасавюртовском районе на севере Дагестана. В результате исчезла историческая компактность проживания сулевкентцев рядом с жителями с. Кубачи.

5. В процессах забывания кубачинского языка, его лексики, фольклора и др. большую роль в последние десятилетия играет школьное образование. Особенные последствия для того же кубачинского языка имеет школьное образование в условиях города. Известно, что города Дагестана в советское время формировались как многонациональные коллективы, где языком межнационального общения был русский (г. Кизляр), русский и кумыкский (г. Махачкала), кумыкский (г. Буйнакск, Хасавюрт), азербайджанский и русский (г. Дербент) языки.

6. Важным фактором забвения кубачинского языка стали госучреждения, СМИ, телевидение, Интернет, работающие на русском языке. Попытки власти сохранить в этих сферах источники языкового образования даже для письменных языков не всегда увенчивались успехом.

7. Во второй половине XX века пошло разрушение традиций поколенной трансмиссии языковой культуры в семье. Сегодня третье поколение (внуки) горожан-кубачинцев почти не знает языка.

8. На процессы забвения кубачинской речи сильно влияет грамотность родителей-горожан, хорошее знание ими русского языка (как правило, это семьи интеллигенции – учителя, врачи, чиновники и др.). Забвение языка в первую очередь происходит в таких семьях.

9. На процессы забвения кубачинской речи влияет и то, что этническая самоидентификация кубачинцев основывается в большей степени на исторических традициях художественных ремесел. Сегодня эти отрасли тесно связаны с городской культурой. Даже при незнании языка проблема идентичности для кубачинца не возникает. Поэтому среди кубачинцев и формируется необычное явление – кубачинско-русское мооязычие [*].

ЛИТЕРАТУРА

1. Ашты. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Ашты>.
2. *Абдуллаев И. Х.* Информация записана от проф. И. Х. Абдуллаева 2.03.2010 г.
3. *Атаев Б. М.* Языковая ситуация в Дагестане: история и развитие // Языки в полиэтническом государстве: развитие, планирование, прогнозирование: Материалы Международной конференции. 2019 г. Улан-Удэ: Бурятский НЦ СО РАН, 2019. С. 129–132.
4. *Джидалаев Н. С.* Тенденции функционального развития языков в дореволюционном Дагестане (к характеристике языковой ситуации) / отв. ред. А. А. Абдуллаев. Махачкала: ИЯЛИ ДНЦ РАН, 2004. 287 с.
5. *Линдзи К.* Что исчезает до того, как умирает язык. URL: <https://сывары.рф/ru/content/chto-ischezaet-do-togo-kak-umiraet-yazyk> (дата обращения: 10.03.2020).
6. *Магомедов А. Дж., Саидов-Аккутта Н. И.* Кубачинско-русский словарь / отв. ред. Х. А. Юсупов. М.: Наука, 2017. 543 с.
7. *Магомедов А. Дж.* Полевые наблюдения. 2015–2020 гг. Тетрадь 1.
8. *Нагиева М. К.* Посемейные списки населения Дагестанской области 1886 года и переписи населения 1897 и 1926 годов (Статистический справочник) / ИИАЭ ДНЦ РАН. Махачкала: ИД Наука плюс, 2005. 120 с.
9. *Тикаев Г. Г.* «Дербенд-наме»: История Дербента и Дагестана на кубачинском языке / отв. ред. Г. М.-Р. Оразаев. Махачкала: ДГУ, 2021. 141 с.
10. *Анучин Д. Н.* Отчет о поездке в Дагестан летом 1882 года, совершенной при содействии Императорского русского географического общества // Известия ИРГО. Т. XX. С.-Петербург, 1884. URL: <http://yandex.ru/clck/jsredir?from=yandex.ru...>

* Признателен за информацию ученым-коллегам А. М. Муртазалиеву, Х. А. Юсупову, М. С. Багамаевой (уроженка с. Сулевкент), историку М. Т. Гаджимурадову (уроженец с. Ашты).

Поступила в редакцию
26. 11.2022.

Магомедов Амирбек Джалилович, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы ДФИЦ РАН;
e-mail: amirbek.49@mail.ru

Magomedov Amirbek Dzhaliilovich, Doctor of History, chief researcher, the G. Tsadasa Institute of Language, Literature and Art, DFRC of RAS;
e-mail: amirbek.49@mail.ru